А.И.Щербаков,
доктор экономических наук, доцент

ДОХОДЫ НАСЕЛЕНИЯ, ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ И СОВОКУПНАЯ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ ТРУДА

Проблемы стоимости жизни и развития социальной сферы носят весьма острый характер и остаются болезненными для нашего общества. «Экономический рост, – отметил Президент Российской Федерации в Послании Федеральному Собранию в 2003 г., – прежде всего нужен нам для повышения благосостояния граждан»[1].

Модель нормального экономического развития предполагает последовательное улучшение материальных условий жизнедеятельности большинства населения, поэтому основными критериями всякого экономического устройства являются уровень жизни, его направленность и темпы динамики. Основополагающим элементом выступает именно направленность его динамики – отрицательный вектор, если он не обусловлен внешними неэкономическими причинами, свидетельствует о неприемлемости практикуемого способа экономической жизни, управления ею в обществе, необходимости существенных поправок в его механизме. Лишь при отсутствии отрицательной направленности целесообразно более пристальное рассмотрение следующего по значимости критерия практикуемого экономического механизма – величины уровня жизни, что, наконец, позволяет перейти к оценке последнего критерия – темпов его положительной динамики.

Важнейшим показателем уровня жизни, безусловно, являются реальные доходы, поэтому оценку экономических процессов определяют их состояние и динамика.

Статья 7 Конституции гласит, что Российская Федерация – социальное государство. Оно проводит политику, направленную на обеспечение «достойной жизни и свободного развития человека». Это обязательство предполагает необходимость иметь и поддерживать определенные минимальные стандарты достойной жизни. В экономическом отношении это означает прежде всего стандарты потребления. Это могут быть различные блага индивидуального потребле-

[1] Российская газета. 2003. 17 мая. С. 4.

ния в натуральном выражении или, с позиций рыночных отношений, как разновидности экономических отношений, – минимальные стандарты денежных доходов. Обеспечение реальной эквивалентности этих двух выражений минимальных стандартов потребления представляет собой самостоятельную сложную задачу.

Достойная жизнь каждого члена общества означает определенный минимальный уровень благосостояния, следовательно, отсутствие бедности как таковой.

Вынужденная массовая бедность в стране должна быть полностью искоренена. Разрешение проблемы бедности, а не собственно дифференциации доходов, становится главным направлением деятельности государства.

В Москве прожиточный минимум традиционно номинально больше, чем в других субъектах Федерации, кроме ряда северо-восточных ее территорий (Ненецкий, Ямало-Ненецкий и Корякский автономные округа, а также Камчатка). В России доля людей, имеющих доходы меньше прожиточного минимума, в первой половине 1990-х гг. впервые возросла в среднем до 22 – 26%[1].

В середине 1990-х гг. почти 45% всех своих доходов домашние хозяйства тратили на продукты питания[2], а впоследствии доля расходов на эти цели только увеличивалась[3]. Известно, что критерием бедности семьи во многих странах считается уровень доходов, при котором более одной их трети расходуется на продовольствие. Так, для западных земель Германии доля семейных затрат на питание в 45% была характерна для середины 1950-х гг., а в 1996 г. она составляла не более 15%[4]. Следовательно, для нашей страны речь идет о крайне низком уровне доходов семейных бюджетов. Не случайно одновременно (в 1990-е гг.) повысилась общая заболеваемость населения страны, особенно болезнями крови и кроветворных органов, которая за 1990 – 1998 гг. увеличилась в 2,5 раза (на 1000 населения) и продолжала увеличиваться далее. К 1998 г. вдвое относительно 1990 г. увеличилась заболеваемость органов пищеварения, обмена веществ и эндокринной системы. Если за 1970 – 1990 гг. заболеваемость туберкулезом (социальной болезнью) снизилась вдвое, то уже к середине 1990-х гг. она во столько же увеличилась, а в 2001 г. почти втрое превысила уровень 1990 г.[5] Тревожные тенден-

[1] См.: Социально-экономическое положение России. 1997. № 2. С. 158, 251 – 252; Уровень жизни населения России. М., 1996. С. 94.

[2] См.: Уровень жизни населения России. М., 1996. С. 102.

[3] См.: Российский статистический ежегодник. 2002. М., 2002. С. 191 – 192.

[4] По материалам встреч в Федеральной академии государственного управления МВД Германии. 1996. 2 XII.

[5] См.: Российский статистический ежегодник. 2002. С. 249.

ции сложились и по другим заболеваниям. Особенно удручающа ситуация со здоровьем детей и подростков. Так, численность подростков, состоящих на учете в лечебно-профилактических учреждениях, к 2000 г. возросла в 16,3 раза (на 100 тыс. человек этого возраста)[1]. Неудивительно, что и численность инвалидов среди детей за 1991 – 1995 гг. возросла в 2,7 раза[2]. При этом число пороков развития, врожденных аномалий в возрасте до 14 лет только за 1990 – 1993 гг. возросло почти на 30% (на 100 тыс. детей); расстройств питания, обмена веществ, иммунитета, эндокринной системы – на 47%; мочеполовой системы – 43; костно-мышечной системы и соединительной ткани – почти на 60, системы кровообращения – на 84%; эпидемиологические заболевания в этот период среди детей были почти в 5 раз выше, чем среди взрослых[3].

Рост заболеваемости населения в результате ухудшения качества и уровня жизни, наряду с другими факторами, стал важной причиной увеличения смертности. Если за 1980 – 1990 гг. коэффициент смертности увеличился на 1,8%, то по официальным данным за 1990 – 2000 гг. возрос сразу на 37,5%,[4] т.е. более чем в 20 раз. Наиболее высокой смертность населения была в центральной и северо-западной частях России, превышая средний показатель на 30–45%. Продолжающаяся с 1992 г. естественная убыль населения наиболее характерна была для этих же территорий. К середине 1990-х гг. резко, более чем на 30%, упала в стране рождаемость. В этом отношении неудовлетворительным положением выделялись опять-таки вышеназванные регионы страны и обе столицы с областями, а также Томская и Магаданская области, где уровень рождаемости был на четверть ниже, чем в целом по стране[5].

Доходы отдельных групп населения в 1990-е гг. стали резко различаться. В первые годы реформ пятая, наиболее разбогатевшая, часть населения страны обладала среднедушевым денежным доходом, в 2,5 раза превышающим средний доход, а у 80% доход был на треть меньше среднедушевого показателя[6].

В отдельных регионах страны эта тенденция имела еще большую динамику. Так, для Москвы было характерно стремительное рассло-

---

[1] Рассчитано по: Российский статистический ежегодник. 2002. С. 252.

[2] Рассчитано по: Россия в цифрах. 1995. М., 1995. С. 97 – 99.

[3] Рассчитано по: Уровень жизни населения Российской Федерации. М., 1995. С. 41; Социально-экономическое положение России. 1995. № 12. С. 281.

[4] См.: Российский статистический ежегодник. 2002. С. 105.

[5] Рассчитано по: Россия в цифрах. 1995. С. 41, 303 – 308; Уровень жизни населения Российской Федерации. С. 10.

[6] Социальная политика и рынок труда: вопросы теории и практики. М., 1996. С. 90.

ение населения по уровню доходов. Если в 1992 г. децильный коэффициент по среднедушевым доходам составлял 7,3, то в 1993 г. он увеличился почти вдвое, составив 13,7, а еще через год составил 28,3. В целом же по стране этот коэффициент был равен примерно 14. В 1994 г. на долю 20% наименее обеспеченных людей в Москве приходилось лишь 3,4% всех текущих доходов, в то время как 20% самых обеспеченных москвичей получили 69,4% от общей суммы доходов. При этом более 40% совокупного денежного дохода жителей столицы принадлежали менее чем 4% москвичей[1]. Примечательно, что по России в целом, начиная с середины 1990-х гг., 20% наименее обеспеченных жителей обладали не более чем шестью процентами совокупного денежного дохода, а 20% наиболее богатых людей владели 47% всех денежных доходов населения[2]. Такой же показатель был характерен, в частности, для Алжира; Россия уступала в этом отношении только Бразилии, Киргизии, Мексике и ЮАР[3]. Подобное распределение доходов характерно для слаборазвитых, отсталых в технологическом отношении обществ.

С учетом факта снижения валового национального продукта и реальных среднедушевых доходов отмеченная тенденция роста дифференциации доходов могла означать, что богатые у нас богатели не за счет увеличения богатства в обществе в целом или экономического роста производства, а за счет того, что бедные беднели. Так вместе с резким ростом дифференциации доходов возникло и другое новое для общественности страны явление – массовая бедность.

Дефицит денежного дохода – сумма, недостающая для доведения доходов бедняков до прожиточного минимума, в 1999 г. составил 140,5 млрд руб., что было эквивалентно 4,8% всех доходов в обществе, а в 2002 г. эта сумма возросла до 253,4 млрд руб. (+ 80%), но при этом составила лишь 3,8% всех доходов за тот год[4]. Следовательно, увеличиться должна была бы и дифференциация доходов в обществе. Но, по официальным статистическим данным, дифференциация доходов за этот период не только не возросла, но даже уменьшилась: коэффициент фондов сократился с 14,1 в 1999 г. до 14,0 в 2002 г., что вызывает некоторые сомнения относительно достоверности этих данных.

В 2003 г. дефицит денежного дохода уменьшился относительно предыдущего года и составил 232,2 млрд руб. (2,6% от общего объ-

[1] Город. Реформы. Жизнь. Москва в цифрах. 1992 – 1995. М., 1995. С. 82; Российская Федерация. 1997. №3. 1997. С. 41.

[2] См.: Социально-экономическое положение России. 1997. № 2; Россия в цифрах. 2002. М., 2002. С. 109.

[3] См.: Россия и страны мира: Статистический сборник. М., 1996. С. 105 – 107.

[4] См.: Российский статистический ежегодник. 2003. М., 2003. С. 189.

ема доходов)[1]. Доля бедняков в 2003 г. составила 20% и по официальным же данным о распределении общего объема денежных доходов населения (по двадцатипроцентным группам населения) именно на них пришлось 5,6% от всех доходов общества[2].

Произведем некоторые ориентировочные расчеты.

Для того чтобы эти 20% беднейшего населения страны получили недостающую до прожиточного минимума сумму доходов при прочих равных условиях, при той же степени дифференциации доходов, необходимо, чтобы общие доходы в обществе увеличились, естественно, в большей мере, чем собственно величина дефицита. Поскольку среди двадцатипроцентных групп населения первая (с наименьшими доходами) обладала лишь 5,6% общего объема денежных доходов, следовательно, и прибавка к доходам для ликвидации бедности (т.е. для первой группы) должна составлять лишь те же 5,6% от общей необходимой величины прибавки доходов. Итак, 232,2 млрд руб. в год – это лишь 5,6% от всего объема увеличения доходов, необходимого для ликвидации нищеты. Таким образом, общая величина увеличения потребительских доходов в обществе должна составить (232,2 х 100,0 : 5,6) 4146 млрд руб. в год.

Примем за неизменную и структуру использования ВВП. В 2003 г. доля расходов на конечное потребление в ВВП страны составила 67,7%. Следовательно, если расходы на потребление увеличатся на 4146 млрд руб. в год и это составит 67,7% от соответствующего увеличения ВВП, то в целом годовое увеличение последнего должно составить (4146 х 100 : 67,7) 6124 млрд руб. Фактический объем ВВП в 2003 г. равнялся 13 285,2 млрд руб. в текущих ценах[3]. Значит, для ликвидации бедности необходимо было увеличение ВВП на (6123 х 100 : 13 285,2 = 46) 46% с учетом ее уровня в 2003 г. и без учета инфляции. Другими словами, необходим экономический рост в исчисленном размере. Известно, что экономический рост может осуществляться либо экстенсивно, либо интенсивно, либо, как правило, путем сочетания этих двух видов роста.

Увеличение ВВП за счет экстенсивных факторов, т.е. в конечном счете за счет расширения занятости вплоть до полной ликвидации безработицы с учетом численности безработных в 2003 г. (5716 тыс. человек) и достигнутого в этом году уровня совокупной годовой производительности труда (13 285 млрд руб. : 65,3 млн человек = 203 тыс. руб./чел.) может дать примерно (5716 тыс. человек х 203,45 тыс.

[1] См.: Россия в цифрах. 2004. М., 2004. С. 100.

[2] См.: Россия в цифрах. 2004. С. 99; Социально-экономическое положение России. 2003. М., С. 219.

[3] См.: Россия в цифрах. 2004. С. 155 – 156.

руб./чел.) 1163 млрд руб., которые будут получены, правда, после окупаемости затрат на создание новых рабочих мест. Однако эта сумма составляет всего около 9% вместо необходимых 46% от ВВП для ликвидации абсолютной бедности и по условиям 2003 г. Следовательно, остальные 37% должны дать только интенсивные факторы роста, но на самом деле значительно больше, поскольку достижение полной занятости – это только предположение с невысокой степенью вероятности реализации.

Аналогичные примерные расчеты были проведены нами еще для середины 1990-х гг. По данным Института экономического анализа, если в 1970 г. ВВП на душу населения в России составлял 130,9 % от среднемирового уровня, в 1990 г. – 125,8, то в 1996 г. – лишь 69,5 %[1]. При этом за гранью нищеты находились 2/3 детей и 1/3 престарелых. Тогда ниже черты бедности находилось также не менее 25% населения.

По нашим подсчетам, для повышения их доходов до уровня прожиточного минимума, ликвидации абсолютной бедности в стране с учетом сложившихся в 1995 г. дифференциации доходов, уровня цен, соотношения между валовым национальным накоплением и конечным потреблением домашних хозяйств необходимый прирост валового внутреннего продукта должен был составить 14% от его объема в 1995 г.[2] Гипотетическая ликвидация безработицы при уровне производительности труда 1995 г. и тогда не решала проблемы. Ликвидировать абсолютную бедность было невозможно без обратного государственного перераспределения персональных доходов, что в политическом плане являлось трудно реализуемым, а в экономическом – могло оказаться малоэффективным.

Только повышение производительности труда и тогда, и сегодня выступает действительно содержательным, целесообразным выходом из положения. Тогда ее прирост нужен был в размере около 14%. При темпах роста, характерных и в прошлом, и в настоящем для ряда стран, в том числе для советской экономики, эта задача могла быть решена за три – пять лет. Однако и после 1995 г. наша экономика характеризовалась спадом производства. В результате для решения той же социально-экономической и политической задачи, но относительно 2003 г., требуется уже 37 – 46% прироста ВВП. Решение этой задачи вполне покрывается решением другой

[1] См.: Вопросы экономики. 1998. № 4. С. 19.

[2] Рассчитано по: Социально-экономическое положение в России. 1995. № 12. С. 3, 8; *Щербаков А.И.* Некоторые аспекты уровня жизни в Российской Федерации // Экономика: проблемы государственного регулирования / Под ред. А.Н.Фоломьева. М., 1996. С. 38.

известной задачи, поставленной Президентом России, – удвоением ВВП за 10 лет. Последнее требует ежегодного прироста ВВП в размере 8%.

Естественно, потребуются государственные меры для того, чтобы прирост ВВП был направлен на ликвидацию бедности, а не на дальнейшее увеличение разрыва между бедными и богатыми из-за возможного усиления перераспределения этого прироста в пользу богатых до уровня, более сильно выраженного, чем ранее и, в результате, расширения нищеты. Государственные гарантии, предусмотренные вторым пунктом статьи 7 Конституции России, должны заключаться в выплатах соответствующих средств, а не только в установлении их размеров или декларировании подобных намерений. Речь идет о государственных обязательствах (обязанностях) по охране труда, здоровья; поддержке семьи (материнства и отцовства), детства; инвалидов; пожилых людей и развитию социальных служб в системном виде; установлению государственных пенсий; пособий и иных гарантий социальной защиты. Реализация таких гарантий сказывается и на уровне жизни населения.

В качестве одной из мер по ограничению бедности и обеспечению государственных гарантий целесообразно законодательное закрепление как в бюджете, так и в ВВП страны, суммарной доли минимальных социальных выплат и затрат – доли минимального социального продукта и, аналогично, установление ее на региональном уровне. Для этого необходимо разработать соответствующую методику с учетом их социально-экономических зависимостей и предварительно установленных социальных стандартов.

Однако каким образом может быть обеспечен необходимый рост ВВП? Экономический рост имеет два источника – экстенсивные и интенсивные факторы роста. Чисто экстенсивные факторы экономического роста в конечном счете сводятся к расширению занятости (увеличению фактора труда) в производстве. Увеличение любого другого фактора производства при том же количестве труда предполагает более эффективное использование данного количества труда, и в этом случае речь должна идти о повышении его производительности, т.е. в конечном счете не экстенсивном, а интенсивном экономическом росте.

Сегодня возможности экстенсивного развития для России существенно ограничены. Величина предложения рабочей силы (труда), т.е. величина экономически активного населения, как известно, во многом предопределяется численностью населения страны. Между этими двумя величинами со временем складывается более или менее устойчивое соотношение. В разных странах мира оно выражалось в следующих значениях (табл. 1).

Таблица 1

Доля экономически активного населения (ЭАН) и работающего населения во всем населении по отдельным странам мира

*(в %)**

Страна	1995 г.		2000 г.	
	ЭАН	Занятые	ЭАН	Занятые
Россия	49,5	45,0	49,2	44,4
Белоруссия	44,1	43,1	45,0	44,0
Венгрия	40,2	36,2	40,0	38,0
Германия	49,0	44,0	48,8	44,5
Италия	39,8	35,3	41,0	36,7
Казахстан	47,1	42,0	48,0	41,9
Литва	51,4	43,2	48,1	40,5
Польша	44,3	38,3	43,7	37,6
США	50,2	47,5	51,2	49,1
Украина	49,1	46,4	49,0	43,4
Франция	43,2	38,2	44,5	40,2
Швеция	48,9	45,5	49,4	47,2
Япония	53,4	51,7	53,3	50,8

* Рассчитано по: Российский статистический ежегодник. 2002. С. 635, 638, 639.

Как видим, существенных различий по уровню занятости населения между Россией и родственными ей странами (Белоруссией и Украиной), а также такой рыночно развитой страной, как США, нет, и во всех приведенных странах он сохраняет во времени относительную стабильность.

Численность населения нашей страны сокращается. В 2013 г. она, по прогнозу Госкомстата России, составит примерно 136 млн человек[1]. Исходя из сегодняшних тенденций можно ожидать, что количество занятых составит также примерно 45% всего населения, т.е. около 61 млн чел. Следовательно, численность занятых в 2013 г. составит на 6 млн человек или на 9% меньше, чем в 2003 г.[2] Поэтому для сохранения хотя бы того же объема производства потребуется повысить производительность труда минимум на те же 9%. Но поскольку задача состоит в том, чтобы объем производства увели-

[1] См.: Предположительная численность населения Российской Федерации до 2016 года (статистический бюллетень). М., 1999. С. 8.

[2] Рассчитано по: Россия в цифрах. 2003. М., 2003. С. 76; Социальное положение и уровень жизни населения России. 2002. С. 73.

чить вдвое, то производительность труда должна быть повышена за этот период в (2,00 : 0,91) 2,2 раза, т.е. ее прирост должен составлять 8,5 – 9,0% в год. Таким образом, в ближайшие 10 лет ежегодный прирост производительности труда для решения поставленной Президентом страны задачи должен опережать ежегодный прирост объема производства (ВВП).

Необходимость поддержания должного уровня и динамики производительности труда обусловлена и другим неблагоприятным аспектом складывающейся в стране демографической ситуации. Началось и в ближайшее время будет ускоряться старение нации. Это обусловлено как российской спецификой естественного движения населения, так и снижением положительного миграционного сальдо лиц трудоспособного возраста. В результате началось (в 1999 г.) и пока продолжается снижение доли населения в возрасте моложе трудоспособного относительно доли населения в возрасте старше трудоспособного (см. табл. 2). Это будет препятствовать подвижности рабочей силы, ее приспособляемости к изменяющимся условиям рынка труда, а в результате – создавать предпосылки для снижения производительности. Между тем чем больше приходится на одно лицо в трудоспособном возрасте нетрудоспособных лиц, тем эффективнее должен быть труд занятых для удержания на том же уровне среднедушевого потребления.

Таблица 2

Возрастная структура населения

(*в %*)*

Категория населения	1996 г.	1997 г.	1998 г.	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.
Доля населения моложе трудоспособного возраста	22,8	21,9	21,4	20,7	19,9	19,2	18,1
Доля населения в трудоспособном возрасте	57,0	57,4	57,8	58,5	59,4	60,2	61,3
Доля населения старше трудоспособного возраста	20,2	20,7	20,8	20,8	20,7	20,6	20,5

* Таблица составлена на основе Российского статистического ежегодника. М., 2002. С. 88 и сборника «Россия в цифрах. 2004». М., 2004. С. 69.

В 2003 г. в российском производстве было занято 65,3 млн человек и насчитывалось 38,2 млн пенсионеров, т.е. на одного пенсионера приходилось 1,7 работника (на одного работающего – 0,59

пенсионера), тогда как в 1992 г. на одного пенсионера было более двух работников (на одного работающего – 0,49 пенсионера)[1]. Таким образом, «пенсионерская нагрузка» на одного работающего за 1992 – 2002 гг. увеличилась в стране на 20%. Соответственно должна была увеличиться и производительность труда, дабы сохранить хотя бы те же материальные условия жизни и для пенсионеров, и для работников. Однако того не произошло: в 2003 г. уровень совокупной производительности труда, по нашим расчетам, превышал значение 1992 г. лишь чуть более 2%. Конечно, среди получающих пенсию немало работающих пенсионеров, но от того, что в ряде случаев статус работника и пенсионера совмещается, дело, по существу, не меняется.

Задача непрерывного и значительного роста производительности труда в экономике Российской Федерации стала ключевой социально-экономической задачей.

[1] Расчет по статистическому сборнику «Россия в цифрах, 2004». М., 2004. С. 26–27.